

БАЕВА Н. А.

Мой Александр Сергеевич

ДНЕВНИК МАМЫ ИЗ ПРОШЛОГО
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Наталья Баева

**Мой Александр Сергеевич.
Дневник мамы из
прошлого тысячелетия**

«Издательские решения»

Баева Н. А.

Мой Александр Сергеевич. Дневник мамы из прошлого тысячелетия / Н. А. Баева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907314-3

Вечные загадки — Космос, Океан и Мозг человека. Причём самая загадочная — Мозг. Существо, которое рождается зверушкой, превращается в личность за считанные годы. Мы не видим в этом чуда лишь потому, что нам всегда... некогда. Некогда вглядываться в собственных детей! А вглядишься — и окажется, что нет ничего интереснее... Рисунки автора.

ISBN 978-5-44-907314-3

© Баева Н. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие, написанное много лет спустя	6
Санюшка – зверушка	11
Человечек разумный	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мой Александр Сергеевич Дневник мамы из прошлого тысячелетия

Наталья Анатольевна Баева

© Наталья Анатольевна Баева, 2018

ISBN 978-5-4490-7314-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие, написанное много лет спустя

«Самое интересное в жизни – это собственный ребёнок»...

Это правда, но... Если бы мне такое сказали до появления этого самого ребёнка – от души бы посмеялась.

Как же это – запереть себя в детскую, обречь на скитания по детским поликлиникам и молочным кухням, когда мир так огромен, так многообразен, так бесконечно интересен!

Мне повезло родиться в Воркуте, куда родители поехали за романтикой. Потом – прожила несколько лет в Томске, у бабушки – дедушки.

Каждое лето – поездки то в один, то в другой конец страны. По многочисленной родне, разбросанной от Урала, до Байкала. Подросла – стали колесить по тур. путёвкам вместе с мамой, невероятно жадной до жизни. Так вот, кто не видел тундры, Полярного Урала, тайги, Карпат, Карелии, Эльбруса, Азова, Крыма – тот поистине не видел красоты мира...

Зимой, конечно, сильно отравляла существование школа. Но даже в школе была душе отрада – библиотека. И нередко передо мной на парте, вместо учебника, оказывалась интереснейшая книга, не дочитанная ночью. Вернейшие друзья – Дюма, Сабатини, Волков, Стивенсон, Скотт, Бруштейн... И неодобряемый учителями Крапивин, и ещё сотни две авторов из «Библиотеки всемирной литературы». Мама аккуратно выкупала по подписке эти томики в матерчатых обложках.

И ещё был Дворец Пионеров – наш центр Вселенной, подарок, сделанный всем детям Воркуты к 50-летию Советской власти. Громадное здание из трёх сросшихся корпусов.

Бассейн с вышками, спортшкола, театр, несколько музыкальных и танцевальных коллективов... Картингисты, филателисты, аквариумисты, моделисты... Невозможно обойти все восемьдесят кружков, но отчётные выступления и выставки, соревнования и парады – это уж обязательно. Одна только Школа Юных моряков чего стоила!

Чем – то заниматься, помимо школы, мы были обязаны, но не припомню, чтобы эта обязанность кого – нибудь тяготила. Было, из чего выбирать!

К десяти годам мы непременно должны были научиться плавать и нырять с вышки – с пяти метров, к двенадцати – ходить на лыжах километров по десять, к пятнадцати – стрелять из винтовки... А турпоходы в пионерских лагерях – это уж само собой. Они усложнялись год от года.

Смешно теперь слышать обвинения в адрес пионерии – она-де растила солдат. Попробуйте найти бывшего пионера, для которого все эти походы – заплывы – стрельбы – костры – не лучшие воспоминания детства!

Сменив с десятков увлечений (музыкальная школа, бассейн, фехтование, КИД, ТЮЗ, литературное объединение), я остановилась на художественной школе. Это – целый мир, в который можно погрузиться надолго.

И вот – Ленинград. Приехала на каникулы – и поняла, что это – Город-которого-хватит-на-всю-жизнь. Только здесь хочу учиться, только здесь буду жить!

Это было очень непросто – конкурс в Университет – где девять, а где и одиннадцать человек на место. Нам, иногородним, старались больше «четвёрки» не ставить. «Недотянули» полбалла до дневного – к вашим услугам вечернее отделение – и стройка, больница или фабрика. Ленинграду нужна рабсила.

При оформлении на ткацкую фабрику – неизбежный медосмотр. «Вы знаете, что резус у вас отрицательный?» – спросил меня врач.

– Нет... А что это значит?

– Это значит, что у вас не должно быть больше двух детей. Третий здоровым уже не будет. Если вообще родится живым...

Кажется, я захлопала глазами от такой неожиданности. И уточнила:

– А аборты считаются?

Врач – я увидела – едва не рассмеялся. Но постарался ответить серьёзно:

– Считаются.

Самая своевременная информация, полученная мною в жизни. В семнадцать лет я поняла раз и навсегда, что ребёнок у меня может быть только законный – желанный – долгожданный. Случайности исключены.

Три года работы на ткацкой фабрике, жизни в рабочем общежитии, научили меня не только работать, не только зарабатывать и считать денежки, не только распоряжаться драгоценным временем, но и гораздо более важным вещам – сосуществовать с людьми, случайными в твоей жизни. Неинтересными, зачастую примитивными. Помнить, что они – явление временное, никого не раздражать, не создавать конфликтов, а если получится – то и порадовать их чем –нибудь. Стихами ко дню рождения, например. Людям приятно – и мне не убыточно.

И ведь были же три часа в сутки настоящей жизни: Университет! Философский факультет!

Чем мы там занимались – кратко не рассказать, но интереснее этой «бездны премудрости» человечество точно ещё ничего не придумало. Окончательно счастливой я себя почувствовала, когда перебралась на дневное отделение – и ушла в эти науки с головой. На целых два года.

В порядке практики мы обошли все церкви и секты – писали дипломы на основании увиденного, услышанного и понятого.

Но ведь образование – это то, что остаётся, когда всё выученное забыто? Так основной навык, полученный нами – это умение складно говорить. Часами. На любую тему. И не «гонять порожняк», а действительно, быстро прочитывать, перерабатывать и выдавать любое количество информации. Очень ценно для преподавателя, лектора, экскурсовода...

Как раз к этому времени семья получила долгожданную кооперативную квартиру в Гатчине – от Ленинграда час электричкой.

Приехала мама с моим младшим братом Олегом и одиннадцатью чемоданами, огляделась – и решила, что попала в сказку. Дом посреди цветущего луга, справа – слева лес, город не виден из-за громадного парка. В парке – загородный царский дворец (вот и место работы для меня), живописные озёра, вековые дубы, грибы-ягоды... А вокруг Гатчины – колхозы-совхозы. Растёт всё.

Мамина мама, моя баба Зоя, решила жить с нами. Поменяла свою квартиру в Томске на ленинградскую, но в Гатчине ей уютнее. Я словно вернулась в детство – в таком окружении «и жизнь хороша, и жить хорошо».

Все последующие годы работала и преподавателем, и лектором, и экскурсоводом.

А за бесплатно, для души – торчала в Клубе самодеятельной песни. Гитару, увы, так и не освоила, голоса никакого, но уж очень любила слушать других. Вот и прижилась там в качестве конферансье. Словом, «дозрела» до замужества лишь к тридцати годам.

Когда – то, очень давно, мама меня спросила:

– Тебе какого мужа-то хочется? Ленинградца – это понятно. Но всё же какого?

Я тогда отшутилась:

– Чтобы в папы годился – главой семьи быть не хочется! И вообще, чтоб не дурак, не урод – и на год.

И накаркала...

Сергей старше меня одиннадцатью годами, и не просто «не дурак и не урод», а умница и красавец. Инженер, и когда он показывает мне, где и над чем работает, глаза у меня выскакивают не то, что на лоб – на затылок! Техника – область, мне совершенно незнакомая, и тот, кто с ней на «ты», представляется мне сверхчеловеком... А если это ещё и заядлый рыбак, и грибник? И на гитаре играет! Недостаток профессионализма восполняет увлечённостью – а я пытаюсь подпевать. Смешная гармония – но гармония.

Первую, едва заметную трещинку я не захотела заметить.

Сергей пришёл к нам – представляться в качестве жениха, и, увидев целую стену книг, сказал:

– Ну, это всё надо продать.

Да, семья у моего жениха сверхпрактичная – и это, скорее, достоинство.

Родители, Фёдор Андреевич и Юлия Михайловна, приехали в Ленинград пятнадцатилетними – по оргнабору, с Волги – и с тех пор не расставались, похоже, ни на день. Всю жизнь проработали на «Электросиле».

Жилищную проблему решили героически – получили участок в Стрельне, под Ленинградом – и сами построили дом в полтора этажа.

Внешне – идиллия. Благолепие, какого в наше время не увидишь и в кино.

Симпатичный домик рядом с лесом, ухоженный снаружи и внутри, вокруг, на шести сотках – сад-огород с идеально ровными грядками, яблони, теплички... Соленья – варенья на столе такие, что украсили бы любую выставку!

Оказывается, Ленинград бывает и таким – село в черте города.

В этом идиллическом домике мы и сыграли свою скромную свадьбу.

Тамадой и вообще организатором выступила Лина – сестра Юлии Михайловны, личность весёлая, и, с точки зрения семьи, весьма легкомысленная. «Как вышла на пенсию – так с тех пор всё поёт и пляшет в клубах для офицеров!» Но поёт и пляшет мастерски.

Чудеса начались на второй день после свадьбы – и, в силу своей ежедневности, превратились в обыденность.

– Ты почему вчера была на каблуках? Чтобы мужа унижить?! Ты же получилась выше!

– Ты как смеешь его получку пересчитывать? Когда он эти деньги зарабатывал, ты ещё его женой не была! Какой ещё семейный бюджет? Зарабатывать себе будешь сама!

– Да, да, – кивает Серёжа. – Каждый должен сам себе...

– И где твоё приданое? Деньги? Да какие это деньги, пусть твоя мать квартиру разменяет, а то больно широко живёт!

И образование у меня, оказывается, никчёмное, раз не разбогатела, и работа языком – это безделье. Работа – это только производство.

91 – 92 год! Какое, к чёрту, производство, какие зарплаты – страна рушилась. Но об этом и думать не полагалось. Газеты и телевизор – это тоже безделье.

– Почему не встаёшь раньше мужа?

– Так он же встаёт в пять...

– Значит, жена должна в четыре!

Попробовала. Сварила завтрак. Свекровка – в слёзы...

– Не хозяйка ты, не хозяйка! А если ты – хозяйка, зачем же тогда я?!

Не дай же бог и мне когда-нибудь так рехнуться...

Вся душа, вся любовь вложена в единственного сына – да так, что другим ничего не осталось. И сына это, совершенно очевидно, не радует. Иногда брыкается, как подросток. Прекрасно, однако, сознавая, что без маминой заботы жизнь легче бы не стала.

Что правда, то правда – до такого трудового энтузиазма мне, как до Луны – Юлия Михайловна спит по четыре часа в сутки. Я устроилась на две работы – библиотекарем и ночным сторожем – и всё равно остаюсь лентяйкой и неряхой. К кухонным разборкам прибавились разборки по телефону.

– Ну уж извините, какая есть, – «оправдывается» моя мама, – другой дочери у меня нет...

– И слава богу!

На общей кухне теперь готовятся два обеда – «семья должна питаться отдельно»!

Мы пообедали, я вымыла тарелки (конечно же, неправильно), и исчезаю. Муж из – за стола не спешит – теперь мама ставит перед ним свои блюда:

– Ешь, ешь, а то с этой женой с голоду помрёшь!

Всякому терпению, видно, есть предел, даже моему:

– Когда помрёшь, напишу на памятнике: «Здесь лежит взрослый, здоровый мужчина, который помер с голоду возле полного холодильника!»

Немая сцена.

Окончательное доказательство моего слабоумия – съездила на митинг, помахала там красным флагом. Оказывается, иметь гражданскую позицию – глупо, а высказывать её – самоубийственно. То-то, смотрю, Серёжа всё не определится, за белых он, или за красных...

Снохе, попавшей в мир «диких ндравов», конечно же, надо помнить поговорку про чужой монастырь. Это я ни на минуту не забываю и, пока отдельное жильё не светит, пытаюсь приспособиться. Изучаю огородную литературу, и готовлюсь к посевной. Покупаю семена каких – то экзотов. Опять не слава богу:

– И где ты это собираешься сеять? У тебя здесь нет ни одного квадратного метра!

Сроду не интересовалась огородом, но тут – захотелось иметь свои не метры, а сотки. Размечталась о собственной дачке. Никогда не забуду, как пришлось оправдываться за сорванный в огороде огурец:

– Не сама сорвала, свёкор подарил!

А за срезанные стрелки чеснока и оправдаться не смогла – нечем...

Оставалось только любоваться пучками редиски, похожими на букеты. Свекровка поднималась ещё в сумерках, набирала – намывала редиску, вязала красивыми пучочками в огромном количестве – и на рынок, на рынок...

Едва ли не первый симптом беременности у меня оказался таким, о каком я не слыхала никогда и ни от кого: меня перестал задевать весь этот «выступёж». Бесконечные драматические монологи свекровки, изредка подкрепляемые мудрыми изречениями мужа – едва слышала, и реагировать на них мне больше не хотелось. Вообще никак.

Это – плен. Заключение. Даже если делишь его с хорошим человеком. Даже если для него эта тюрьма – норма. И побег – право и святая обязанность любого заключённого. Впервые закралась мысль, что бежать можно и одной...

Пришло ещё не понимание, но уже ощущение того, что и эти люди в моей жизни – временные. И свёкор, трудяга со взглядом святого, который не согласен со всем происходящим – но не согласен молчаливо. Неделями не произносит ни слова! Потому, конечно, что ему и дальше жить с женой, а не со мной. И муж, возможно, тоже.

Всё ещё надеялась на отдельное жильё в перспективе, но первую жену Сергея, Иру, уже понимала. Она промелькнула в жизни этой семьи эпизодом. Выдержала полгода – и ушла беременной.

Ребёнок, которого я себе ещё никак не представляла, становился главным увлечением в жизни.

Книжка Никитиных «Детство без болезней» попала мне в руки как нельзя более вовремя – и была зачитана до рассыпания листков. Интереснее любого романа.

Инстинктивно – интуитивно я не меняла образа жизни: работа, беготня, сауна и периодическое завязывание йоговскими узлами. Питалась почти исключительно кефиром и зеленью – лето стояло жаркое, и ничего другого просто не хотелось.

Почему – то я была уверена, что «он» будет девочкой, заранее этому радовалась, и в то же время не очень верила, что можно полюбить «мяч в животе». Сначала – мячик, вроде теннисного, а потом – футбольный. Да какой буйный...

Глядя, как его неожиданные прыжки чуть не сваливают меня с ног, мама смеялась:

– Ну нет, приличная девочка из приличной семьи так себя не ведёт! Точно, парень!

Молоденькая «врачиха», к которой я пришла становиться на учёт, посмотрела на мою дату рождения, и предрекла, что я помру от старости, не дожив до родов. Если, конечно, не буду выполнять все её предписания. И настрочила кучу рецептов. Я поблагодарила за заботу, вышла за дверь – и сунула всю кипу бумаг в мусорное ведро. Мнительной, слава богу, никогда не была.

«Он» слышит! Если начинает буйнить, его можно унять стихами!

Самые длинные стихи, которые я знаю, это «Конёк – горбунок». Начинаю читать – «он» прекращает пляску. Слушает?!

Ну можно ли на фоне таких впечатлений обращать внимание на вечный зуд?

– Как-то это вы с ребёнком поспешили... И не вздумай купить кроватку – здесь его быть не должно!

А другая бабушка, дядюшка и прабабушка его ждут, не дождутся.

Санюшка – зверушка

17 сентября 1992 года. Первый отзыв о моём сынишке от врача:

– Парень – придраться не к чему!

Да и показатели безупречны. Вес – 3,300, рост – 53 сантиметра, грудь – 34, оценка по АПГАР – 9. Почему не все 10? Слегка не доношен, весь в белой шёрстке. К месяцу, говорят, шёрстка исчезнет.

Ровно три волоска на голове, и все чёрные, три реснички, и все длинные, голубые глаза, широкие белые брови, огромная пухлая верхняя губища, а ножки – по 5 сантиметров. Сама мерила.

С таким человеком можно не церемониться – и я сразу же отменила для него чепчик и тугое пеленание. И кормить стала голеньким, и класть на животик. Вот тут – то Алексашка и преподнёс первый сюрприз: весь напрягся, задрожал – и приподнял голову! В первые же сутки! Моя тактика приносила скорые и ощутимые плоды.

На шестой день, уже дома (в Гатчине, конечно), я решилась, дрожа от страха, «запустить его механизм сопротивляемости болезням» – выкупать в холодной воде. 9 градусов. Налила в ванночку – и трижды окунула туда дитё. С головой. Кричал, бедняга, густым басом, еле успокоился в тёплой водичке.

В тот же день, 22 сентября, впервые остановил свои плавающие глаза – на красной авто-ручке. Я тут же подвесила ему красный шарик – погремушку на козырёк коляски. Нет, шарик его пока не интересует, если и реагирует, то только на звук. А следить за движущимся предметом – морковкой в моей руке, стал только в 1 месяц – 17 октября.

Днём Саня обычно лежит на диване в ползунках, а чтобы не заскучал, подвешиваем над ним погремушку – гирлянду. Разглядывать. Вдруг слышу из соседней комнаты – гирлянда

гремит! Прибегаю, смотрю – Санька её пинает – делает ногами «велосипед». Да ещё издаёт какие – то довольные звуки! Это было 7 ноября – неполные два месяца.

К двум месяцам уже хорошо держал голову и гулил отчётливо. А вот с обучением плаванию ничего не получилось – не по нашей вине. В 1 месяц и 10 дней Саня научился отталкиваться ногами от края ванны, в неполные три месяца – уже целенаправленно двигал ногами, сидел в воде, и даже ел, а потом счастье кончилось, горячую воду у нас стали периодически отключать, пришлось вместо большой ванны опять довольствоваться детской.

Тогда же, в два с половиной месяца, Саня попытался ползать – потянулся за ярким мячиком, и прополз по дивану примерно 30 сантиметров. Это оказалось так трудно, что взять мячик уже не хватило силёнок.

На следующий день, 30 декабря, встал, держась за мои пальцы. Взгляд, как будто, ещё ничего не выражает, но – нравится. Очень уж довольно урчит. Оказывается, так ему можно поднять настроение, если захнычет. Дашь два пальца – уцепится, сядет, а то и встанет – и успокоится.

В три с половиной месяца пошёл – переступает по дивану, вцепившись в мои пальцы. Тогда же и уверенно пополз – от одного края дивана до другого.

Забавно вслушиваться в его лепет: «О, хось-по-ди...» Верующий, что ли?

Нам повезло. Сказочно. Мой отчим, Артур Осипович, остался в Воркуте ещё на несколько лет – зарабатывать максимальную пенсию и прочие северные блага. В квартире, которой они владеют пополам с бабой Зоей, сейчас один Олег – и он готов перебраться в Гатчину. Живи, молодая семья. Узнав об этом, Серёжа... испугался. А его матушка – ещё больше: – Там же такой ремонт нужен... И вообще...

И больше о свободной квартире не вспоминали. И мне напоминать не хотелось – отец моего ребёнка свой выбор сделал.

К устным и телефонным всплескам свекрови прибавились эпистолярные. Письмо за письмом. «Ты у нас лето жила, как на даче, а за дачу люди деньги платят»!

Ответила: «У вас осталось моё обручальное кольцо – возьмите в уплату за дачу». Взяла.

На свой первый Новый год Саня был наряжен Гномушкой: красный колпачок с колокольчиком, красный платок на шее, красные сапожки – перчатки.

Пушистую ёлочку с игрушками рассматривал так внимательно, что её пожалели выбрасывать. Стояла полтора месяца, и дала зелёные побеги. А было Санюшке три с половиной месяца.

Решена маленькая прозаическая проблема – прислушиваясь, приглядываясь, я поняла, что «кхе-кхе» – это просьба. Насчёт посадить. Очень уж мокрые ползунки неприятны...

Трудно точно сказать, в какой день взгляд стал смыслённым, но к четырём месяцам Саня смотрел уже не просто осмысленно – жадно! В его коляске укреплен турничок. К перекладине привязано вяленое яблочко – приманка. Саня подтягивается, садится, с удовольствием грызёт, то есть мусолит яблочко.

В 4 месяца и 2 дня повис на моих пальцах. Полный восторг! Стал делать это по многу раз в день, смеясь и раскачиваясь.

Садится сам, и всё увереннее. То держась за борта коляски, то цепляясь за сеточку манежа. В 6 с половиной месяцев догадался садиться, из положения на четвереньках.

И тут же новое открытие – на четвереньках можно ползать быстрее, чем на пузе!

Проблема... У меня кончилось молоко. Цены на детское питание просто заоблачны – «свободные – отпущенные». Кое – где ещё сохраняются государственные, но не в Гатчине.

Пришлось ехать на Невский. В центральном магазине нахожу баночки по 7 рублей. Протягиваю рецепт из поликлиники: «Будьте добры»...

– Что-о-о?! Область понаехала? У нас тут городским не хватает!

– Где ваш директор?

– Там! Но она скажет то же самое!

Директор, действительно, сказала то же самое. Выхожу из кабинета, и успеваю сообразить, что продавец – то этого не слышала! Протягиваю рецепт снова:

– Директор разрешила. Будьте любезны.

Надо было видеть, как яростно она покидала мне через прилавок эти семь банок – месячную норму! Я торопливо засовываю их в рюкзак – и тут открывается дверь директорского кабинета...

Ох и рванула я к выходу! Бежала до самого метро.

ЭТО – после десятилетий полного благополучия, и без войны.

Лопочет:

– Гое, гое... Ох, гое, гое...

– Какое же у тебя, Санечка, горе?

– Кой-какое-гое-гое, кой-какое кое-кое...

Интересно, «гое» для него, или нет, наш с его папой развод? Для меня это было замечательной неожиданностью – папа сам проявил инициативу. Принёс бланки из ЗАГСа:

– Вот. Давай, разведёмся – и никто никому ничего не должен.

Неприлично мне было радоваться – но скрыть не смогла.

Судья ничего не понимала, всё допытывалась до причины, просила «не спешить», «подумать». Сергей своим красивым, прекрасно поставленным голосом объяснял что – то о безнадёжном несходстве характеров, а я из-за его спины жестикулировала, выразительно гримасничая. Судья поняла мою мимику правильно:

– Что, Наталья Анатольевна? Не расспрашивать, а просто развести? На алименты подадите?

– Да...

Это было первого апреля – в первый тёплый день весны.

Письма, письма, письма. «Ты родила никому не нужного ребёнка, чтобы прожить за счёт моего дурака»... Одно и то же в бесчисленных вариациях.

Складываю в папку. Соберётся жениться Санька – пусть поучится на чужих ошибках.

Будь я в этой истории не действующим лицом, а наблюдателем – я бы пожалела его папу...

7.5 месяцев. Саньке поставили «манеж» – каркас от раскладушки. Без усталости встаёт и садится, держась за бортик. Попробовала командовать: «Сели – встали!»! Понял! В ожидании очередной команды оглядывается и приплясывает от нетерпения.

Купила Саньке музыкальную матрёшку-неваляшку. Показываю – а он как задрожит! Буквально затрясся – перепугался звящего чудища с себя ростом.

Впрочем, уже дня через два с восторгом гонял её по комнате.

В 8 месяцев появился первый зуб – и Саня сразу же начал грызть печенье. Не ждёт, пока дадут, а обнаружил коробку с печеньем под диваном – и таскает оттуда.

Первое слово – «баба». Ну а раз первое слово произнесено, здесь кончается история Санюшки-зверюшки, и начинается история Александра Сергеевича, человечка разумного.

Добавлю к предыстории то, что на девятом месяце Саню охватила неудержимая охота к перемене мест – он буквально забегал на четвереньках, хватая всё на своём пути и вставая везде, где хоть за что-нибудь можно уцепиться. Уцепился как-то за ручку холодильника – и пытается открыть. Бабушка нахмурилась:

– Не хапай, не хапай своей гавённой лапой!

Аж зашёлся от смеха:

– Ха-ха-хап! Хап-хап!

Похоже, с юмором всё в порядке.

Лишнюю, по его мнению, одежду если мог снять-снимал, а лишними не считал только трусы на лямках. И не возражал против выставления голеньким на заснеженный балкон (радостно топал по снегу, оставляя «марсианские» следочки), ни против обливания холодной водой. Обольёшь – а он только охнет и глаза выкатит, словно каждый раз удивляется – зачем это? А уж обуть Саню совершенно невозможно. Тут же сбрасывает всё.

Человечек разумный

июнь 93 г. 9 месяцев.

– Тю-тю! Тю-тю!

Саня кричит это, накрыв голову платком. «Спрятался». Счастлив, если его ищут где-нибудь в другом конце комнаты.

июль 93 г. 10 месяцев.

– Ма-а-ма... «Мама», значит...

август 93 г. 11 месяцев.

Встаёт, приседает, даже приплясывает на месте, но ещё не ходит. Падая, приговаривает: «Буха, буха»...

сентябрь 93 г. 1 год.

Получил на годовщину «Сказки» Пушкина.

На внутреннюю страницу обложки я наклеила открыточку со смешным розовым поросёнком и написала:

«Книжку я дарю сынишке,
Ненаглядному Санюшке,
Что родился в год Мартышки,
А похож на эту хрюшку!»

Думала-сама себя развлекаю, а для сына этот подарок сильно «на вырост». Как бы не так! Схватил двумя руками, сел в кресло, заправил в рот соску и углубился в изучение больших ярких картинок. Тычет пальцем в Кота учёного и волка: «Ки... Ав-ав...»

28 сентября, 1 год и 10 дней.

Первый шаг! Тут же, с остановками и кряхтением, прошёл через всю комнату.

Нас выручает близость полей и леса – всё в пешей досягаемости. Иду в сапогах и с тележкой, встречаю соседа:

– Куда? За картошкой?! Подожди пять минут, я тоже за тележкой сбегать!

Пришли на только что перепаханное поле, да там и растерялись, я об этом эпизоде и забыла. Натаскала картошки, но её ведь на одежду не обменяешь, а годовалое чадо одевать надо... И вдруг – звонок в дверь. На пороге тот самый сосед:

– Как я тебе благодарен – до весны запасаю картошкой! Вот... – и протягивает мне туго набитый мешок.

– Это нам в финское общество гуманитарку привезли. Взрослые вещи все разобрали, а детские – вот, твоему!

Прелестного финского гардеробчика хватит надолго!

ноябрь 93 г. 1 год 2 месяца.

Полюбил облаивать собак на улице. И моську, и дога встречает всё тем же возгласом:

– Ав-ав!

Подарила я ему обаятельного плюшевого котика с выразительной резиновой мордашкой. Пощупал, пальцем в глаза потыкал и улыбнулся:

– Ки!

Этот «Ки» попал в милость сразу и навсегда – отныне Саня спал только с ним в обнимку.

декабрь 93 г. 1 год 3 месяца

Потеряли винтик от будильника. Через месяц Саня нашёл его в какой – то щели. Ходил-ходил с ним по квартире, нашёл будильник и воткнул винт в дырочку.

март 94 г. 1 год 6 месяцев.

Баба Света ушла гулять с Санькой – а вернулась одна.

На мой немой вопрос отвечает: «Твой сын своим ходом добирается!»

В самом деле, Александр, пыхтя и кряхтя, забрался уже на третий этаж. Помогать не стали – так сам домой и добрался.

май 94 г. 1 год 8 месяцев.

Санька вдруг заметил, что фрукты ест он один. Стал всем вокруг совать долечки: «На... Ам-ам...»

Июнь 94 г. 1 год 9 месяцев.

Гуляем в роскошном, полудиком Гатчинском парке.

Навстречу – молодой папа с крошечной дочкой.

– Саня, гляди, барышня! Подари ей цветочек!

Сорвал клевер, подошёл, осторожно протянул. Малышка взяла. И тут на Саню напало вдохновение: закружил по лужайке, срывая всё подряд. Забросал растерянную «барышню» целым стогом сена!

В гостях увидел собаку-рейзеншнауцера. Спрашиваю: «Кто это?»

– Конь...

Лезет по лесенке на детской площадке. Спрашивает меня: «Буха будя?»

– Будет, Саня, будет.

– Эх...

Лезет дальше.

Рассматривает журнальную репродукцию. «Мадонна Литта».

– Это кто? – спрашивает бабушка.

– Мама.

– А это?

– Саня.

«Кама» – это камешек. А огромный валун возле дома Саня называет с почтительным придыханием:

– Ка-а-а-ма!

Любимое место – озеро в парке.

– Там купа, там ыба, там маля!

То есть купание, рыбы и дети. Давно усвоил, что он – Саня, а все остальные дети у него «маля».

июль 94г. 1 год 10 месяцев.

– Саня, кого ты любишь?

– Бабу Сетю.

– А ещё?

– Папу.

– А ещё?

– Кисю.

– А меня?

– Нет!

Я «обиделась». Подумал, подошёл:

– Любу маму, люблю...

Бежит за мной и кричит:

– Кака-бака, кака-бака!

Снимаю штанишки – чистые.

– Где же кака-бака?

– В попе...

И я поняла, что проблема горшка решена полностью.

Буквы я стала показывать ему в полгода – большие, на картонках, и не все сразу, а сначала только гласные.

В год Саня правильно показывал 6 букв, в год и три месяца – все 10 гласных, в полтора года запомнил по кубикам звонкие согласные, в год и 10 месяцев правильно показывал все буквы. Но... можно спросить «где такая-то буква» – охотно найдёт в газетных заголовках, а спрашивать «какая это буква» – бесполезно, вслух не скажет почти ничего, словно стесняется своей немыслимой дикции. Вообще всё говорит и делает не по просьбам – только по вдохновению.

Любимого плюшевого кота в 1 год называл «Ки»,

в полтора года – «Кися», в год и 8 месяцев – «Кися-мися». Это и была первая рифма.

С 1 года 10 месяцев рифмы посыпались, как из рога изобилия. Всего-то десяток слов в обиходе, а находит, что зарифмовать.

– Саня-Аня, Каша-Маша, Собака-бабака, картошка-Бабаёжка, бабулька-какулька!

Подсказываю: бабулька-красулька!

Тройная рифма привела Саню в восторг:

– Бабулька – какулька – красулька!

сентябрь 94 г. 2 года.

Увидел у меня в медальоне свою фотографию. Стал часто просить:

– Саню откыть!

– А может, там Иисусик?

– Исуська? Исуську откыть!

Тут же родилась единственная в своём роде рифма:

– Исуська – поросюська!

Барабанит по холодильнику:

– Дать си-си с кап-кап!

Это кулинарный запрос – требуются сосиски с кетчупом.

Разбудил меня среди ночи срочным сообщением:

– Он беаит по Афике и кусаит детей,

Гадкий, нехооший, адный Бамалей!

(Для тех, кто читал «Бармалея» перевод не нужен, а читали его все).

Утром проснулся и пытается разбудить меня стишками: —

– «ано в к"овать, «ано вставать —

Го"я и хво"и не будете знать!

Когда не хватает только «Р» – это уже не страшно, понять можно. Договорились, что Саня подарит папе на день рождения будильник и скажет эти стихи.

Впервые в жизни исполнил заявку – протянул папе будильник и сказал эти две строчки. Папа и баба Юля растерянно переглянулись: «А на каком это языке?»

Юмор?

Дёргает за ручку унитаза и приговаривает:

– Кака-бака, уходи, к Бармалею приходи!

Юмор.

Несёт мне за хвост редьку: «Это не «едька, это банан! Хо"оший банан!»

Эстет.

Я наклеила журнальную репродукцию на старую виниловую пластинку. Саня схватил, закружился с ней по комнате, поставил на полку, отошёл, посмотрел:

– К"асиво!

Появились ночные страхи. Плачет, показывая куда-то в потолок:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.